

Давид Малазония

ГРУЗИНСКИЕ ШЕСТИДЕСЯТНИКИ XIX ВЕКА О ЗНАЧЕНИИ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Тергдалеული» - выдающиеся грузинские шестидесятники XIX века, единомышленники лидера национально-освободительного движения Ильи Чавчавадзе одним из обязательных условий достижения государственной независимости считали пробуждение патриотического чувства и законной национальной гордости среди населения. В этом деле значительная роль отводилась составлению научно выдержанного курса героической истории Грузии. Развернулась ширококомасштабная работа по выявлению, сбору и систематизации соответствующих источников.

Илья Чавчавадзе и другие видные мыслители и общественные деятели, как и профессиональные историки того же периода, важнейшим источником изучения быта, нравственных и мировоззренческих представлений людей отдалённых эпох считали устное народное творчество, информацию, содержащуюся в древних преданиях. Поэтому среди первоочерёдных мероприятий, связанных с разработкой курса истории Грузии, должное внимание уделялось изучению сохранившихся в народной памяти сказаний, религиозных и бытовых ритуалов, различных обрядов.

Грузинские шестидесятники правильно определяли разностороннее значение народной словесности и сыграли особую роль в неотложном деле её сбора и систематизации.

Признавая ценность фольклора для изучения ранних периодов истории, видя определённое отражение действительности в народных преданиях, И. Чавчавадзе, однако, им придавал значение косвенных источников знания о прошлом. Он подчёркивал необходимость сверки их данных с народными обычаями и традициями, требовал, чтобы при формулировке соответствующих выводов учитывалось всё народное наследие – и словесное, и обрядовое.

Известный поэт и общественный деятель Акакий Церетели отмечал: с незапамятных времён в жизни грузинского народа не было ни бедствий, ни отрадных моментов, которые не нашли бы отклика в нашей народной словесности. Вместе с тем Церетели к особой осторожности призывал исследователей народной поэзии, поскольку она, являясь продуктом художественного воображения и субъективных переживаний, может не вполне адекватно преподносить отражаемые события.²

Значение народного творчества в деле научного исследования отдалённых эпох и событий, не нашёди отражения в научно-исторической литературе, также признавали известные грузинские шестидесятники – Яков Гогешвили, Георгий Церетели, Сергей Месхи. Они, как и Акакий Церетели, указывали на необходимость предельно внимательного отношения к нему.

Часты случаи, когда одна и та же нравственная норма (воззрение, обычай), сформировавшаяся в далёком прошлом, встречается среди народов, отдалённых друг от друга большими расстояниями. На этом основании И. Чавчавадзе делает вывод, согласно которому в какой-то период сознание (представления) всех людей было однородным. И. Чавчавадзе считал, что схожие надстроечные проявления у отдалённых народов не могут быть следствием заимствований, они, по его мнению, возникали и формировались на местах самостоятельно.

Заслуживают внимания и соображения Нико Николадзе о том, что памятники народной словесности в своём открывают нам уровень и аспекты общественной мысли того или иного периода. В этом отношении особое значение приобретает обстоятельное изучение особенностей языка древних сказаний, фигурирующей в них терминологии, а также сопоставление фольклорных данных с аналогичными источниками других народов. В этой связи Н. Николадзе обращает внимание на слово «цисарткела» (радуга), имеющее схожий смысл на языках разных народов (небесный мост, небесный свод, небесный пояс). Николадзе задаётся вопросом: заимствовали ли грузины это слово (цисарткела-небесный пояс – Д.М.) у индоевропейских народов, или собственным разумом пришли к такому сравнению? Может быть, народы без постороннего влияния восприняли это природное явление как мост или мост на небесах? Сам Николадзе такое сходство смысла терминов склонен объяснять одинаковым уровнем развития разных народов на определенных стадиях.

Грузинские шестидесятники большое воспитательное значение придавали и нравственному потенциалу произведений народного творчества. Подвиги народных героев во имя свободы и счастья родины воодушевляли подрастающие поколения на подобные дела, способствовали их правильному нравственному воспитанию, прививали им высокие чувства патриотизма и гуманизма. Не следует забывать об указании великого грузинского педагога и мыслителя Якова Гогешвили о том, что изучение народного творчества, помимо неоспоримого исторического значения, имеет и педагогический смысл: «Произведения народного творчества являются неисчерпаемой сокровищницей».

щницей для литературы вообще и для педагогики – в частности. Любое просвещенное общество старается собрать лучшие словесные произведения и сделать их всеобщим достоянием».³

Сбор народных преданий (фольклорных произведений вообще) – был нелёгким делом. Требовалось немалое количество энтузиастов и соблюдение определённых требований. Яков Гогешвили совершенно правильно указывал, что произведения устного народного творчества должны записываться без малейших изменений, точно в такой форме, как их излагают сказители.⁴

Более достоверные сведения о событиях прошлых времён, по словам Гогешвили, содержатся в песнях, исполняемых «ствиристами» и «пандуристами». По его же правильному мнению, когда дело имеем со сказителями, надо выяснить – откуда они родом, где они проживали до замужества, – чтобы их репертуар ошибочно не считать фольклором данного края.

Методические требования, обязательные при сборе устного народного творчества, имелись в публикациях К. Церетели – «Как собирать устные предания» (1895), «Об устном народном творчестве» (1897) и др. Этим программным письмам высокую оценку дали Г. Церетели и С. Хундадзе. Позже (1899) историк А. Хаханашвили в свою систему приводит все эти требования, чтобы они в компактном виде имелись и неукоснительно учитывались собирателями фольклорных произведений. Важные программные положения содержались и в письмах М. Келенджедзе («Народная поэзия и её педагого-эстетическое значение», 1894), и Пшавелишвили («О сборе устного народного творчества», 1895).

Помимо соблюдения требований, непосредственно связанных с процессом записи народных произведений, какой Церетели считал необходимым и хорошее знание местного диалекта, этнографии и географических особенностей данного края, имеющее немалое значение для правильного понимания этих произведений.

А Сергей Месхи, помимо древних народных преданий, важное значение придавал записи воспоминаний пожилых людей, которым довелось быть участниками или свидетелями важных событий в жизни народа. «Эти воспоминания, – не без основания утверждал он, – могут пополнить наши знания по определённым вопросам недавнего прошлого».⁵

Следует отметить, что «тергдалеули» не ограничивались абстрактным признанием значения фольклорных произведений и языковых данных для исследования далёкого, доисторического прошлого. Они и сами строили на их основе интересные предположения.

Считая, что слова и выражения, связанные своим происхождением с особенностями региона, могут определённо указать на территорию первоначального расселения данного народа, И. Чавчавадзе обратил внимание на множество слов в грузинском языке, производных от *цкали* (вода) и обозначающих самые разные вещи: *моцкале* (милостивый), *моцкалеба* (милостыня), *шецкалеба* (помилование), *сацкали* (жалкий), *уцкало* (безжалостный) и т. д. Пришёл к выводу, что грузинские племена когда-то населяли более южные края, жаркие и безводные.⁶

Точно также, историки Ал. Хаханашвили⁷ и М. Джанашвили⁸ вариацией грузинского слова *тба* (озеро) считают этноним «тибарен». Интересно, что и последующее поколение грузинских учёных (С. Джанашия, А. Ланидзе) в термине «тибарен» видит грузинский вариант гидронима «Топад» (озеро в Малой Азии).

Историк Д. Бакрадзе полагает, что катастрофическое явление – потоп, нашёл своё отражение в мифе о борьбе титанов и Юпитера (Гесиод). Он обстоятельно анализирует этот миф, видя в нём художественное отображение геологических катаклизмов. Учёный особо останавливается на пелазгских и греческих сказаниях о женщинах-воинах, называя их с грузинскими племенами (тибаренами, макронами, мосхами, колхами).⁹

Отмечая в письме «Источники первых преданий «Картлис цховреба» и их характер» богатство упомянутого памятника народными преданиями, он полагает, что сведения о походе Александра Македонского, о ряде аспектов царствования Парнаваза и Вахтанга Горгасали были внесены в него позднее на основе народных преданий.

По этому вопросу ряд интересных соображений выдвинул Ал. Хаханашвили. Он считал, что письменные источники истории древних времён свою информацию черпают из устного народного творчества. В частности, грузинские этнонимы, содержащиеся в «Картлис Цховреба», могли возникнуть на этимологической основе. А в сведениях о войнах с персами и хазарами, о походе Македонского в Картли и т. д. Ал. Хаханашвили видит следы политической мифологии. По его мнению, народные же сказания легли в основу информации «Картлис цховреба» о происхождении грузинского народа и о царствовании Мирриана.¹⁰

Точно также, основы сведений «Картлис цховреба» о древнейших периодах в народных преданиях видит историк М. Джанашвили.¹¹

Итак, грузинские историки второй половины XIX века считают, что «Картлис цховреба» составлена наблюдающейся в международной практике схеме: доисторический период воссоздаётся путём компиляции сведений мифов и легенд, за которым следуют суждения на основе исторической литературы и других материальных источников.

Немало интересных работ посвятил вопросам истории Георгий Церетели. Он, в частности, записал и издал (в том числе и на русском языке) «Легенду о Тамаре» и высказал мнение, что она была создана раньше XIII века, возможно, по другому мотиву, а затем её приноровили к великому имени царицы Тамар. А в работе «Кавказские мифы на грузинской почве» он возвысил голос против необоснованных утверждений Патканова и других авторов согласно которым грузинские сказания возникли не на национальной почве и поэтому они не могут отражать жизнь грузинского народа.

Отражение реально-исторических обстоятельств древней Колхиды видят грузинские учёные в греческих преданиях и, в первую очередь, в мифе об аргонавтах. Это, по их (Д. Бакрадзе, И. Чавчавадзе, А. Церетели) мнению, свидетельствует о высоком уровне культуры и быта грузинских племён уже в глубокой древности. Добыча «золотого руна имеет символическое значение», - говорит Услар. «Золотое руно, по его убеждению, означает благоденствие страны», - писал М. Джанашвили.

Поэт Акакий Церетели писал, что мифология совершенные формы обрела в эллинских преданиях. Однако греческие предания, по его словам, питались из переднеазиатского, в том числе - и из грузинского (точнее было бы - картвельского - Д. М.) источника. «В мифе о Прометее, - подчёркивал он, - прослеживается историческая связь Кавказа и Грузии, картины далёкого прошлого этого края».¹²

Другие представители грузинской исторической мысли (С. Бараташвили, Д. Бакрадзе, Ал. Хаханашвили, И. Услар ...) в отмеченном греческом мифе видят аналог грузинского предания об Амირани, ищут в нём оригинальное отражение былого могущества грузинских племён и, наконец, предполагают, что эти предания с идентичным содержанием (и несколько расходящейся интерпретацией) имеют грузинское происхождение.

Современная грузинская историография и фольклористика полностью разделяют приведённые взгляды шестидесятников. Ив. Джавахишвили древнейшим считал грузинский миф об Амირани, под влиянием которого сложилось сказание о Прометее. Такого же мнения придерживаются: В. Котетишвили, П. Ингорква, Ш. Нуцубидзе, Г. Ахвледиани. А Георгий Меликишвили проводит аналогию между сказанием о Прометее - Амირани и эпосом Гильгамеше.

Ссылаясь на археологические памятники и исторические источники (а также - фольклорные данные) фольклорист М. Чиковани и искусствовед Ш. Амირанашвили тезис о влиянии на греческий миф о Прометее грузинского сказания «Амირаниани» считают вполне логичным.

Во второй половине XIX века при анализе преданий о просветительнице Грузин - Нине Кападокийской (распространявшей христианство в Грузии) вырисовывается вопрос об её этнической принадлежности. Ак. Церетели коренное население Кападокии считает картвельским, а самую Нину, следовательно, грузинкой.¹²

К картвельскому миру относят кападокийцев Ал. Хаханашвили и М. Джанашвили. По этому вопросу уже имелось исследование профессора Д. Чубинашвили - «Этнографический обзор древнейшего населения Кападокии или Чанети». В нём учёный, анализируя языковые и топонимические данные, приходит к выводу, что кападокийцы - картвельский (близко родственный грузинам) народ. Итак, Нину Кападокийскую определённо тянули в Грузию национально-родственные связи. Учёные полагают, далее, что именно этническое родство кападокийцев с грузинами предопределило особую популярность святого Георгия в Грузии, также кападокийца родом. Д. Чубинашвили, в частности, писал: «Следует сказать, что святой Георгий был кападокийцем, и поэтому весьма уважаемым во всей Грузии. Родственницей святого Георгия была равноапостольная святая Нина, также кападокийская и знавшая грузинский язык. Иначе она не могла бы проповедовать христианскую веру и обратить грузин в христианство».

Следует отметить, что об этнической принадлежности святой Нины (и, соответственно, кападокийцев) нет достоверных сведений ни в грузинской, ни в иностранной литературе. Современная историография (И. Джавахишвили, А. Апакидзе, К. Григолия, П. Ингорква, Р. Сирадзе) отмеченное предположение считает не вполне убедительным.

В заключение надо отметить, что известные писатели рассматриваемого периода в своих произведениях значительная часть которых посвящается исторической тематике, нередко используют и народные предания о важных событиях прошлого. Особенно характерно в этом отношении литературное наследие Важа-Пшавела. Если И. Чавчавадзе и Ак. Церетели в основном прибегают к историческим фактам, с максимальным реализмом рисуя отдалённые коллизии, то у Важа-Пшавела они описываются в стиле народного эпоса, в форме легенд. Несмотря на эту различ-

ა произведениях последователей И. Чавчавадзе и Ак. Церетели нет недостатка романтизма и приподнятого настроения, а в произведениях Важа-Пшавела – недостатка чувства реальности.

Литература – References

1. Газета «Иверия», 1887г. №270.
2. Церетели А. Полное собрание сочинений, т. IV, Тбилиси, 1961, стр. 441 (на груз. языке)
3. Гогобашвили Як. Избранные письма, т. II, Тбилиси, 1940 (на груз. языке).
4. Там же.
5. Газета «Дроеба», 1883г.
6. Чавчавадзе, И. Полное собрание сочинений, т. V, Тбилиси, 1927, стр. 97 (на грузинском языке)
7. Хаханашвили, Ал. Древнейшие расселения грузин по Малой Азии («ЗКОИРГО», т. XXII). Тбилиси, 1902.
8. Джанашвили, М. История Грузии, т. I, Тбилиси, 1906, стр. 16 (на груз. языке).
9. Бакрадзе, Д. Новое исследование о доисторическом времени. Тбилиси, 1881, стр. 20 (на груз. языке).
10. Газета «Иверия». 1888г., №№129, 156, 218.
11. Джанашвили М. История Грузии, т. I, Тбилиси, 1906, стр. 5 (на груз. языке).
12. Абзианидзе, Г. Акакий Церетели. Тбилиси, 1990, стр. 45 (на груз. языке)
13. Церетели, А. Сочинения, т. VI, Тбилиси, 1957, стр. 466 (на груз. языке).

ისტორია

დავით მაღაზონია

ქართული სამოციალური მემკვიდრეობის მნიშვნელობის შესახებ და ისტორიული კვლევების მნიშვნელობის შესახებ

რეზიუმე

ილია ჭავჭავაძე და მისი თანამოაზრენი ხალხურ ზეპირსიტყვიერებას და უძველეს გადმოცემებს ისტორიული კვლევის წყაროდ მიიჩნევენ. ამ კვლევაში ყოველთვისაა ასახული სოციალური ფენომენი. მაგრამ ეს ფაქტები, მათი სპეციფიკური ბუნებიდან გამომდინარე, მეტნაკლებად შეცვლილია. აქედან გამომდინარე ისწორი გადაწყვეტილების მისაღებად საჭიროა წეს-ჩვეულებათა ტრადიციულ რიტუალებთან დაკავშირება.

HISTORY

David Malazonia

IMPORTANCE OF FOLK ART FOR HISTORICAL RESEARCHES

Summary

Ilia Chavchavadze and his like-minded persons considered folk art and ancient legends as one of the sources of research of ancient periods. Important social phenomena always is reflected in them. But these facts, for their specific character, are changed more or less. We must mix these customs with traditional rituals to make a right decision. So called "Tergdaleuli" contributed much to systematization of folk art. They considered the information from historical as well as pedagogical point of view.